

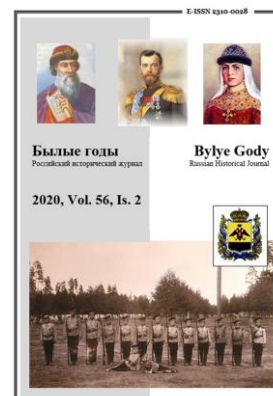
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 571-582. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.571
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest

Olena G. Tkachenko ^a, Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Lyubov G. Polyakova ^{b, c, d}, Jasmin Gut ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

For the first time, the facts of the life and creative path of the Russian poet Ivan Klyushnikov (1811–1895) were collected, organized, and subjected to historical and literary understanding in the article. The specifics of the study were manifested in the involvement of a wide range of archival materials, authoritative printed sources, documenting the spiritual evolution of the personality.

An active participant of Nikolai Stankevich's circle, Klyushnikov played a significant role in the spiritual life of Russia in the 1930s and 1940s. He influenced the formation of the worldviews of Stankevich, Belinsky, Turgenev, and many other representatives of the creative intelligentsia. Being an idealist, passionate about Hegel's philosophy, Klyushnikov considered enlightenment and thought to be the main engine of history. He believed that in the face of heightened political reaction and autocratic despotism, it was possible to improve life through spiritual influence on society. Widely educated, endowed with remarkable poetic talent, at the junction of the 30-40s of the century before last, caught between two geniuses – Pushkin and Lermontov, he managed in his own way, originally and uniquely, to convey the psychology of a "superfluous man", to show the tragedy of young idealists who aspired to good, justice and happiness, but because of the circumstances were unable to realize their dream. His poetry is the confession of a man who has gone in his development from romantic illusions to the consciousness of his insolvency in all spheres of life. Having distanced himself from public life in fact in the heyday of creativity, choosing the fate of a hermit, Klyushnikov spent about 50 years in the distant wilderness alone, having done everything to be forgotten.

Keywords: Ivan Klyushnikov, Stankevich's section, Russian Empire, intelligentsia, 19th century.

1. Введение

Глубокие изменения, переживаемые современным обществом, диктуют необходимость изучения духовной роли личности в истории. В России 30–40-е годы XIX века, несмотря на тяжелую политическую реакцию, наступившую в стране после разгрома декабристского восстания, отмечены заметным оживлением духовной жизни и активизацией литературного процесса. Стремление разобраться в причинах поражения декабристского восстания, понять национальные особенности социальных противоречий, разрешить проблему дальнейшего пути развития России, то есть найти твердую теоретическую основу для решения освободительных задач, которые не могли осуществить предшественники, – все это приводит к активизации философской мысли, к резкой перемене в восприятии действительности.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

В это время возникает целый ряд кружков и обществ. Наиболее значительным явлением был кружок Станкевича, который буквально вообрал в себя все умственное движение русского общества 30–40-х годов XIX века. В том, что кружок «целое десятилетие был мыслью и совестью русской интеллигенции», несомненно, заслуга Станкевича. «Человек удивительной цельности, принципиальности и полноты взглядов, разносторонне образованный и обладавший особым даром открывать чужие таланты, – отмечает Л. Насонкина в книге «Московский университет после восстания декабристов», – он создал своеобразную школу культуры» (Насонкина, 1972: 313). Эту «школу культуры» прошли люди, определившие на много лет вперед духовную жизнь России, среди них Иван Ключников – незаурядная личность, глубоко образованный и наделенный поэтическим талантом человек. Имея в виду деятельность этого кружка, М. Гершензон в книге «История молодой России» писал: «Никогда, ни раньше, ни позднее умственное движение в русском обществе не достигало такой глубины и напряженности, как в эту пору. В его царствование (речь идет о Николае Первом) дважды по-разному, но с одинаковой страстностью, были поставлены и решены самые коренные вопросы бытия и познания: раз – на почве германской идеалистической философии («идеалисты 30-х»), другой раз – на почве французских социалистических идей (петрашевцы)» (Гершензон, 1923: 18). Идеи классической немецкой философии пропагандировались еще «любомудрами» в 20-е годы, но только теперь, после восстания декабристов, в пору демократического самоопределения русской философской мысли, они приобрели актуальность.

О кружке Станкевича существует большая научная литература. Деятельность его в той или иной степени освещалась Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, Пыпиным, Овсяннико-Куликовским, Милюковым, Бродским, Гершензоном, Архангельским и многими другими. Наиболее значительными являются книга С.И. Машинского «Поэты кружка Н.В. Станкевича» (1964), монографии Л.И. Насонкиной «Московский университет после восстания декабристов» (1972), З.А. Каменского «Московский кружок любомудров» (1980) и Ю.В. Манна «В кружке Станкевича» (1983). К сожалению, в них не освещена должным образом роль Ключникова в духовной жизни русского общества первой половины XIX века. Это и определило цель исследования.

2. Материалы и методы

Достоверность данного исследования стала возможной благодаря изучению целого ряда источников как печатных, так и архивных. Отсутствие документальных материалов, непостижимость поступков и решений поэта способствовали тому, что в работах о нем имеется целый ряд сомнительных сведений и произвольных толкований. Как справедливо отметил С. Машинский, «жизненная и литературная биография Ключникова представляется крайне сложной, полной загадок и неожиданностей» (Машинский, 1964: 492). В процессе работы нами обследованы материалы архивов Москвы (Россия) и Сум (Украина), Государственного исторического музея в Москве, которые позволили уточнить биографию поэта и полнее охарактеризовать его как личность.

В Московском областном архиве хранится личное дело студента Ключникова, среди документов которого есть аттестат, научная работа, две расписки, данные отцом и сыном Ключниковыми при зачислении Ивана Петровича в университет. Большой интерес представляют три письма к брату Николаю Станкевича – Александру, которые хранятся в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ. Ф. А.В. Станкевича. № 351. Оп. 1. Ед. хр. 68).

В основу нашей работы легли принципы объективности, исторического антропологизма, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный методы. В частности, принцип объективности позволил учесть те закономерности, которые во многом определили жизненный и творческий путь И. Ключникова. Использование принципа исторического антропологизма объясняется тем, что центральным ориентиром статьи стал конкретный человек. Характер исследования требовал также применения критического подхода. При изучении жизненного и творческого пути И. Ключникова нами были использованы работы и других авторов, описывающих современные ему события, что, безусловно, позволило избежать субъективных оценок и уточнить некоторые детали биографии И. Ключникова.

3. Обсуждение

В первой половине XIX века в Российской империи оформляется новая прослойка общества – интеллигенция. Ее представители по праву составляли интеллектуальную элиту и были часто связаны с научной и литературной деятельностью. Они объединялись в различные группы, кружки, где могли делиться друг с другом своими идеями, взглядами. Как правило, это были незаурядные, прогрессивно и творчески мыслящие личности, поэтому очень важно изучать общественно-политическое состояние Российской империи XIX века, в том числе и через понимание взглядов представителей интеллигенции того времени. Это даст возможность объективно оценить эпоху. А конкретно биографические исследования позволяют не только возродить память о незаслуженно забытых деятелях прошлого, но и выяснить основные направления интересов, круг общения интеллектуалов.

В последние годы все больше исследователей трудятся в данном тематическом поле. Например, нами изучались биографии, творчество и общественно-политические взгляды таких представителей интеллигенции XIX века, как Н.В. Варадинов, Я.И. Костенецкий, И.С. Аксаков (Degtyarev, 2015; Degtyarev et al., 2018; Degtyarev et al., 2019). А. Мельник и Т. Таирова-Яковлева работали над биографией Г. Полетики (Melnik, Tairova-Yakovleva, 2019), И. Куций изучал взгляды М. Максимовича (Kutsyi, 2018), а О. Супронюк посвятила свои работы Н.В. Гоголю и его окружению (Супронюк, 2009а; Супронюк, 2009b). Предметом исследований становились биографии и многих других выдающихся или малоизвестных деятелей XIX века.

Что же касается непосредственно личности И. Ключникова, то она получила высокую оценку таких известных деятелей, как Н. Станкевич, А. Кольцов, М. Бакунин, В. Боткин и др. Позже о нем, как о заметном явлении в литературе, писали Н. Чернышевский (Чернышевский, 1947: 179) и Н. Добролюбов (Добролюбов, 1961–1964: 397).

Последние поэты стало предметом исследования целого ряда историков литературы: Н. Мизко, Н. Гербеля, С. Андрианова, Н. Бродского, Н. Котляревского, П. Зайцева. В частности, статья С. Андрианова явилась откликом на смерть поэта и была первой попыткой определить место и значение его творчества в истории русской литературы (Андрианов, 1885: 805–810). Большая статья Н. Бродского посвящена творчеству Ключникова и Красова – двух наиболее одаренных поэтов кружка Станкевича. Охарактеризовав духовную атмосферу кружка, ученый дает подробную характеристику личности Ключникова, считая его центральной фигурой в кружке, и впервые анализирует наиболее значительные, с его точки зрения, стихотворения (Бродский, 1913: 54–55). В статье П. Зайцева «Гамлет Сумского уезда» дана лаконичная и очень содержательная оценка личности и творчества Ключникова. Несмотря на то, что статья опубликована в провинциальной газете («Сумской вестник» (1913)), ее можно рассматривать как своего рода итог исследовательской мысли XIX века в изучении творчества поэта.

В советский период усилился интерес к деятельности кружка Станкевича и к творчеству поэтов, входивших в этот кружок. В этом контексте было уделено внимание и личности Ключникова. В разной степени его наследию уделили внимание К. Архангельский (Архангельский, 1930: 108), Б. Смирнский (Смирнский, 1936: 34), С. Машинский (Машинский, 1964: 48–58, 485–544), А. Журавлева (Журавлева, 1967: 3–14), Ю. Манн (Манн, 1983), А. Фризман (Фризман, 1977) и др.

Также следует отметить, что поэзия И. Ключникова привлекала внимание многих составителей антологий и тематических сборников, что свидетельствует о признании значимости его литературного наследия.

В последние десятилетия появился целый ряд публикаций, посвященный духовным исканиям русских идеалистов 30–40 годов XIX века. Но, к сожалению, личности и творчеству Ивана Ключникова в них внимание практически не уделяется. До сих пор не появилось более или менее фундаментальных работ, посвященных этой персоналии.

4. Результаты

Иван Ключников родился 2 декабря 1811 года в Сумском уезде на хуторе Криничное (ныне Солидарное, а когда-то назывался и Никифоровкой, и Ключниковым). Здесь, в десяти километрах от уездного города Сумы, среди благодатной украинской природы в доме отца прошли его счастливые детские годы. Отец Ключникова – Петр Трофимович – владел хутором Криничное в Сумском уезде, имел 442 десятины земли (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1), был чиновником, дослужился до 5 класса и, согласно «Табели о рангах», его род в 1811 году был «внесен в Дворянскую Родословную Книгу» (МОГИА. Ф. 418. Оп. 98. Л. № 302: 3–57).

Отец, человек прогрессивных взглядов, понимал важность образования, поэтому дал своим детям хорошую начальную подготовку. Его дети – Ефросинья, Иван и Петр – воспитывались под руководством учителя-гувернера. Удалось также установить, что в 1825 году отец отвез сыновей Ивана и Петра учиться в Москву. Они были приняты в Первую губернскую гимназию. Ивана зачислили во второй класс, а Петра – в первый (МОГИА. Ф. 418. Оп. 98. Л. № 302: 3–57). Жили братья на Остоженке вместе.

Окончив блестяще гимназию, о чем свидетельствует аттестат, выданный 29 сентября 1828 года (Ключников, 1993: 100), Иван Ключников в числе 13 лучших учеников был направлен в Московский университет, где 4 октября этого же года стал своекоштным студентом словесного отделения. Он, как и многие студенты Московского университета, был полон сил, энергии, желания учиться и служить обществу. «Мы, юноши, полвека тому назад, – писал на склоне лет ровесник Ключникова И.А. Гончаров, – смотрели на университет как на святилище и вступали в его стены со страхом и трепетом... Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого» (Гончаров, 1889: 145–146).

В первый год учебы в университете Ключников сошелся с Януарием Неверовым, Иваном Оболенским, Яковом Почеккой (Бродский, 1915: 100), позже подружился с Николаем Станкевичем. Юношей влекла жажда общения, их сердца горели желанием «высказать все события прекрасных душ», «разделить души, споры, веселье и скуку» (Переписка..., 1914: 158). Ярко одаренный,

безукоризненно честный, открытый и доверчивый, Николай Станкевич буквально притягивал к себе студентов не только своего курса, но и старших по возрасту. Вокруг него сплотилась группа молодых людей, которые собирались на квартире Станкевича в доме профессора М.Г. Павлова на Дмитровке. Так, в конце 1831 – начале 1832 года сложился кружок, которому суждено было войти в историю как литературно-философский кружок Н.В. Станкевича. Он не имел ни строго определенной цели, ни устава, да и состав его был подвижен. Вначале в него, кроме названных студентов, входили Василий Красов и Сергей Строев. В 1833 году он пополнился новыми участниками, среди которых были Виссарион Белинский, Константин Аксаков, Петр Петров. В 1835 году в него вошли Василий Боткин, Михаил Катков, Михаил Бакунин, позже Тимофей Грановский. Кружок объединил молодых людей очень разных по своим идейным убеждениям (радикально настроенных и умеренных, будущих западников, анархистов и славянофилов), но одаренных, увлеченных философией, историей, литературой и мечтой о просвещении народа, о свободной России (Герцен, 1956: 17). Самыми плодотворными в жизни кружка считаются 1833–1837 годы.

Клюшников познакомился со Станкевичем в 1831 году (Поляков, 1956: 364). Много у них было общего: жизнерадостность, общительность, жажда знаний, любовь к литературе, но говорить, что их характеры были сходны, нет оснований. Во многом они были разные. Но это не отталкивало, а наоборот, тянуло их друг к другу. «Станкевич, – пишет Машинский, – был более восприимчив к философии, а Клюшников – к истории, и они хорошо дополняли друг друга» (Машинский, 1964: 487). Несмотря на разницу в возрасте (Клюшников был на два года старше), они становятся близкими друзьями. Доказательством этому служат письма Станкевича к целому ряду своих корреспондентов. Здесь мы находим и сообщение о том, что с Клюшниковым он читал «один раз в неделю Шеллинга», «сидел над Кантом» – вместе они лучше понимали; шутдировали Круга. Станкевич любил проводить время с Клюшниковым. Так, в письме к Я.М. Неверову от 2 декабря 1835 года он сообщал: «Я живу отшельником, никуда, кроме Клюшникова и Белинского, не хожу». В письме к Бейерам от 22 июня 1835 года читаем: «Жизнь не полна без Клюшникова и Красова». М. Бакунину 8 октября 1836 года Станкевич писал: «Наконец я в Москве, с братом, с Клюшниковым, с Красовым – опять те же беседы, опять та же жизнь, тихая, спокойная» (Переписка..., 1914: 317, 337, 441, 590, 617). Очень часто встречается сообщение о том, что Станкевич написал Клюшникову письмо или будет писать. В книгу «Переписка Н.В. Станкевича (1830–1840)», изданную его племянником Алексеем Станкевичем, не вошли письма к И.П. Клюшникову, но то, что они были, – факт неоспоримый. Клюшников и Станкевич много писали друг другу, но известно лишь два письма Клюшникова к Станкевичу, которые относятся к более позднему периоду их дружбы. Они впервые были опубликованы в 1950 году в «Литературном наследстве».

Близким другом Клюшникова был также Белинский. Они познакомились в Московском университете. Клюшников учился уже на втором курсе, когда 17 октября 1829 года был зачислен на «казенный кошт» Белинский, который в 1832 году был исключен из университета, а осенью 1833 года Клюшников ввел его в кружок Станкевича (Поляков, 1960: 75). Историю знакомства Белинского со Станкевичем и другими участниками кружка раскрывают неизданные мемуарные записки Неверова: «Белинский, будучи студентом, написал драму, сюжетом которой было злоупотребление владетельного права над крестьянами. Этот труд – плод юношеской восторженности – он представил в цензуру и за это лишен был права посещать университет. Станкевич, услышавший об этой истории от нашего общего товарища Клюшникова, пожелал прочесть драму и ознакомиться с автором» (Белинский, 1950: 100). Сближение Белинского с кружком Станкевича сыграло огромную роль в его судьбе. Клюшников натолкнул Белинского на мысль создать «Литературные мечтания», снискавшие славу критике; помогал редактировать журнал «Телескоп» (К биографии..., 1885: 583); вместе с В. Ржевским спас его от ареста во время гонений на журнал (Библиографический словарь, 1990: 348); поддерживал Белинского материально (Белинский, 1914: 239). К сожалению, не сохранились письма Белинского к Клюшникову, а писали они друг другу часто. Мы располагаем лишь теми немногочисленными сведениями, которые встречаются в письмах Белинского к Боткину, Станкевичу, Бакунину, Панаеву, Грановскому и другим, да двумя письмами Клюшникова к Белинскому (Белинскому, 1911: 38-40). Отношения Клюшникова и Белинского развивались крайне сложно, со временем изменялись, и разобраться в этом нелегко. Так, в письме к В. Боткину от 16 февраля 1839 года Белинский писал: «...Долго он был для меня авторитетом, а я (это узнал я от него в твоей комнате) для него – значит, так или сяк, но только мы вошли в жизнь один другого. Но между нами замешалась ложь, особенно с моей стороны...» (Белинский, 1982: 232-233). Этим и объясняется, что в высказываниях Белинского о Клюшникове мы находим и восторг, и явную неприязнь. Белинский встретил восторженно стихи Клюшникова, поддержал поэта в начале творческого пути. Приглашая писателя И. Панаева в Москву, критик писал: «...Я познакомлю Вас с Клюшниковым – очень интересный человек. Элегия в IV № «Опять оно, опять бывшее» – его» (Белинский, 1982: 146). В письме к Станкевичу он отмечает: «Клюшникова пьесы прекрасны, особенно «Я не люблю тебя...», и здесь же: «Для меня высочайшее наслаждение прочесть новую песню Кольцова, новый перевод Каткова, новое стихотворение Клюшникова...» (Белинский, 1982: 256-257). И, несмотря на целый ряд отрицательных высказываний, типа «пакостные стишонки» (Белинский, 1982: 501), – «...мне стыдно

вспомнить, что некогда я думал видеть на голове моей терновой венки страдания, тогда как на ней был просто шутовской колпак с бубенчиками. Какое страдание, если стишонки Красова и -Фет- были фактом жизни и занимали меня, как вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стихов (и только перечитываю Лермонтова, все более и более погружаясь в бездонный океан его поэзии), и, когда случится пробежать стихи Фета и Огарева, я говорю: «Оно хорошо, но как же не стыдно тратить времени и чернил на такой вздор» (Белинский, 1982: 527). И все же слова Белинского о том, что «стихотворения -Фет- принадлежат к примечательным явлениям современной литературы и их историческое значение не подвержено никакому сомнению», остаются в силе (Белинский, 1978: 81).

Одним из близких друзей Клюшникова был и поэт Яков Полонский. Они познакомились в конце 30-х годов, когда Полонский учился в Московском университете. «Он [Ровинский А.Н.] хотел познакомить меня с Белинским, – вспоминал Полонский, – но успел только познакомить меня с Иваном Петровичем Клюшниковым, другом Белинского..., как эстетик и мыслитель глубоко понимающий и ценящий Пушкина, как знаток поэтического искусства, он не мог своими беседами не влиять на меня» (Полонский, 1988: 366-367). Поэт Полонский видел в другом поэте «святое недовольство самим собой, и это недовольство импонировало ему, стимулировало высокую требовательность и творческую активность» (Полонский, 1986: 304-305). Полонский, хорошо знавший Клюшникова в те годы, когда тот круто изменил свою судьбу, воссоздал его образ в незаконченном стихотворном романе «Свежее преданье». В «Моих студенческих воспоминаниях» Полонский писал: «Что такое Клюшников, вам поможет подсказать стихотворный недоконченный роман мой «Свежее преданье», тут он мною выведен под именем Камкова, и, конечно, не фактическая жизнь играет тут главную роль, а характер и настроения Камкова». Клюшников узнал себя в главном герое. Полонскому это стало известно не от Клюшникова, а от Н. Старова, учителя русской словесности, который навещал Клюшникова в Криничном (Полонский, 1988: 366-367). Оценивая это произведение, Полонский в письме к Л.И. Поливанову в 1897 году писал: «Стихи мои слабы в сравнении с лицом, лучшим, каким я знал в течение моей жизни. Мой Камков, как это многим известно, это И. Клюшников, учитель Ю. Самарина и наставник Белинского, – Белинский не был бы Белинским, если бы Клюшников не свел его с кружком Н.В. Станкевича, и на меня он имел благотворное влияние» (Венок Белинскому, 1924: 57).

Начитанный, широко образованный, Клюшников постоянно был в центре внимания. С Неверовым он изучал греческий (Бродский, 1915: 118), Бакунину помогал переводить с немецкого (Корнилов, 1915: 382), а со Станкевичем постигал Шеллинга, Канта, Фихте (Переписка..., 1914: 585). Насмешливый по природе, он «сыпал каламбурами», островами, сочинял эпиграммы, кантаты, шуточные стихотворения, в которых «его приятели видели живость и истинный юмор». В дневнике Я. Неверова приводится шуточное стихотворение Клюшникова, написанное по случаю приезда Неверова в Москву (Бродский, 1915: 127). Н. Станкевич, часто восхищавшийся той или иной чертой в характере знакомых и добродушно завидовавший их достоинствам, вызвал у Клюшникова в свой адрес остроумное замечание: «Это серебряный пятак, завидующий величине медного посеребренного пятака» (Переписка..., 1914: 133).

Желанным гостем был он и в кружке «Литературная кофейня Печкина». Участник этого кружка поэт Афанасий Фет на склоне лет вспоминал, с каким удовольствием цитировали в кофейне пародию Клюшникова на «Двенадцать спящих дев» В. Жуковского, в которой с юмором изображалась кофейня и говорилось о бренности всего великого на земле (Фет, 1893: 222).

В 1831 году Клюшников в числе первых из кружка закончил университет и, как гласит документ, «был испытываем в науках одного отделения и показал отменные успехи, при таковом же поведении, почему определением Университетского Совета 1832 года июля шестого дня и утвержден кандидатом Отделения Словесных Наук» (МОГИА. Ф. 418. Оп. 98. Л. № 302: 3-57).

То, что Клюшников был одной из центральных фигур кружка, подтверждают воспоминания и строки из писем многих его участников: Я. Неверов: «Наиболее выдающимися членами кружка были Струев, Клюшников, Красов» (Бродский, 1915: 112); К. Аксаков: «У Станкевича собирались каждый день дружные с ним студенты его курса; кроме их, вышедшие прежде некоторые его товарищи, из которых замечательнее других Клюшников» (Аксаков, 1989: 317); М. Катков: «Он [Клюшников] был постоянным и любимым гостем его [Станкевича] вечеринок» (Катков, 1883: 805). Клюшников привлекал к себе внимание друзей незаурядностью натуры, необычайным даром слова, остроумием, общительностью и человеческой добротой.

После окончания университета он занимается педагогической деятельностью, дает частные уроки. Еще будучи студентом, в 1831–1832 годах он готовил в университет по всеобщей истории И.С. Тургенева. Профессор Н.С. Тихонравов в статье «И.С. Тургенев в Московском университете» в 1893 году писал: «Клюшников первый установил заочную, так сказать, нравственную связь Тургенева с будущими товарищами последнего, студентами Московского университета» (Тихонравов, 1894: 712-713). Глубокие знания, умение «вызывать дух исторических эпох в живой импровизации, исполненной юмора, рассказывать о людях и событиях отдаленного прошлого, будто самовидец» (Катков, 1883: 802), глубина и новизна идей – все это покоряло учеников и снискало славу замечательного педагога. Он попал во многие аристократические дома: давал уроки Юрию Самарину,

публицисту и общественному деятелю, его брату и сестре ([К биографии..., 1885: 273](#)); Александру Станкевичу, младшему брату Николая; родственнику Виссариона Белинского Д.П. Иванову ([Белинский, 1914: 77](#)). Неудивительно, что такой учитель очаровал Тургенева. Всю жизнь великий писатель с любовью и благодарностью вспоминал наставника ([Тургенев, 1982: 203](#)). Тургенев также много слышал о Ключникове от его друзей Н. Станкевича, В. Белинского, В. Боткина, Т. Грановского, знал хорошо его поэзию. В письме к Грановскому Тургенев вспоминает стихотворение Ключникова «На смерть девушки». Незаурядная личность Ключникова не раз вдохновляла мастера слова. С ним как с прототипом встречаемся в романе «Рудин» (Щитов) – на страницах, где речь идет о кружке Покорского (Станкевича в повести «Андрей Колосов» (Щитов), рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (главный герой рассказа). То, что именно Ключников является прототипом литературных героев вышеназванных произведений, убедительно доказывает Бродский в работе «Поэты кружка Н.В. Станкевича», отмечая, что «образы, созданные Тургеневым, не были только фотографическими снимками с натуры: они обычно были результатом, сложной комбинацией виденного или слышанного писателем и лично им пережитого, пристальных наблюдений над людьми и его собственным внутренним миром ([Бродский, 1913: 59](#)). Узнав, что Ключников прозябает в далекой глуши, Тургенев ощутил всю тяжесть положения одаренного поэта, неожиданно изменившего свою судьбу. Так возник у писателя замысел рассказа «Гамлет Щигровского уезда», в котором нарисован образ человека, оказавшегося «лишним» в жизни, которую так любил, человека, не знающего выхода из создавшегося положения, но и не желающего его искать.

Однако педагогическая деятельность не захватила Ключникова. Несмотря на то, что профессор Московского университета Т.Н. Грановский уговаривал его готовиться к профессорскому званию и что его недолгое преподавание истории в Московском дворянском институте (так в то время называлась Первая московская гимназия) «сопровождалось блестящим успехом», он оставляет институт, а затем частные уроки и отказывается от мысли о карьере ученого-историка. В архиве Московского университета хранится рукопись научной работы Ключникова «О духе римской литературы» (на латинском и русском языках), свидетельствующая о несомненных возможностях его как ученого. В письме к Станкевичу он так объясняет свое решение: «Я очень полюбил историю и читаю Гегеля – только профессором быть не хочу, хотя меня приглашали нынешней осенью опять читать лекции – и без поездки, и без экзамена. Я знаю историю по-своему и передать эту созерцательностью знания не могу, пока Богу не угодно будет дать мне нужную форму. Не только историю, я и себя понимаю как-то странно, и чем больше тоскую, тем больше затемняю свои воззрения» ([Станкевичу, 1956: 122](#)).

Еще Ключников принял участие в редактировании журнала «Телескоп», оказавшегося после отъезда Н.И. Надеждина за границу в руках участников кружка Станкевича ([К биографии..., 1885: 583](#)). Но и журналистика не захватила его, да и журнал был вскоре закрыт.

В 1837 году Ключников перенес тяжелое психическое заболевание. Свое состояние он так описал Николаю Станкевичу в конце 1838 года: «...Ты часто пророчил мне передрагу; она случилась со мной – и была ужаснее, нежели я мог вообразить себе, смотря на твои страдания: два или три месяца я был сумасшедший...» ([Станкевичу, 1956: 122](#)). Это взволновало друзей, они всячески старались поддержать его. После выздоровления Ключников стал совершенно другим человеком: исчезли общительность, жизнерадостность: появилось чувство неудовлетворенности собой, повышенная требовательность к себе и другим.

Первые публикации Ключникова стали появляться в 1838 году в «Московском наблюдателе», а затем в «Современнике» и «Отечественных записках». Наполненные мягким лиризмом, они подкупали искренностью, глубоким чувством, выраженным в них, типичным и вместе с тем сугубо сокровенным. Имя автора было скрыто под таинственной подписью. Дебют Ключникова горячо приветствовал Белинский. Как известно, в кружке Станкевича Ключникова в шутку называли «феосом» – то есть Богом. Первая буква этого греческого слова (фита) и стала его псевдонимом.

В разгар поэтической славы совершенно неожиданно Ключников прекращает публиковать свои стихотворения. Он начинает считать поэтическую деятельность несерьезным занятием, стихам своим не придает большого значения, поэтому и не издал их отдельной книгой, хоть и намеревался: «Я хорошо сделал, что отметил свои страдания стихами. У меня пиес сто, и я их издам в хронологическом порядке, – писал Ключников 12 декабря 1828 года Станкевичу, – может быть, они найдут отголосок в чьем-нибудь сердце. Это акты сознания и резонанс всех звуков души моей, которую также не все понимают» ([Станкевичу, 1956: 122](#)).

В 1841 году в «Литературной газете» за подписью -Θ- был опубликован рассказ «Привидение первого мужа, или Вдова замужем» Написанный в манере светского анекдота, он отличался легкостью, тонким юмором и занимательностью сюжета. Это была первая проба пера Ключникова-прозаика. К сожалению, и его прозаическому дарованию не суждено было развиваться. Он все больше замыкается в себе, отдаляется от бывших приятелей, часто проживает вдали от столицы в наследственном хуторе Сумского уезда, бывая в Москве лишь наездами. Как прозаик, еще только раз порадовал Ключников читателей, когда в 1849 году напечатал в «Отечественных записках» повесть «Любовная сказка», более значительное произведение не только по объему, но и по обрисовке

характеров. Проза не превзошла поэзию, но все же свидетельствовала о несомненных возможностях Ключниково-прозаика.

В этом же году Ключников надолго покидает Москву и поселяется в Криничном. Существует версия, что поэт покинул надолго Москву в начале 1840-х годов (Андреанов, 1885: 810; Бродский, 1913: 13; Машинский, 1964: 492). Это предположение возникло в связи с тем, что Ключников перестал печататься, отдалился от друзей и стал часто отлучаться из Москвы. И все же в столице он бывает до 1849 года. Как было отмечено выше, в этом году была опубликована в «Отечественных записках» повесть «Любовная сказка» с пометкой: Москва. 1849. Не часто Ключников указывал место создания того или иного произведения. Здесь же он счел нужным указать.

Удалившись от литературной жизни Москвы, «считая себя столицы шумной лишним жителем», избрав участь отшельника, Ключников прерывает связи с бывшими друзьями, остается в стороне и от общественной жизни родного края. Это настолько было неожиданно, что многие решили: поэт умер. Никого так часто не хоронили при жизни, как его. Слухи дошли и до Тургенева, который писал Я.П. Полонскому из Парижа: «Я удивился и обрадовался, узнавши, что Ключников жив. Пожалуйста, напишите мне его адрес – не забудьте. Я его знавал хорошо; он даже в детстве преподавал мне русскую историю». За этими письмами последовало из Парижа послание в далекую Никифоровку, так тогда назывался хутор (Тургенев, 1987: 169, 174).

Письмо Тургенева примечательно во многих отношениях. Во-первых, оно является свидетельством большого авторитета Ключникова как человека и как поэта в среде молодежи. Очевидно, что учитель истории оставил о себе неизгладимое впечатление, раз о нем пишут с такой любовью спустя четверть века. Во-вторых, писатель запечатлел в нем портрет и некоторые обстоятельства жизни своего учителя. Наконец, в-третьих, имя Ключникова соотнесено с именами многих его именитых современников, и это, очевидно, не случайно. Личность бывшего учителя виделась Тургеневу незаурядной и яркой. Вот такие выводы позволяет сделать письмо русского писателя. А тот факт, что адресат не откликнулся на теплое послание, тоже дает основание судить о душевном состоянии Ключникова, о его крайней замкнутости.

Нелегко жилось Ключникову вдали от столицы, тем более что уходили один за другим в «иной мир» близкие люди. Еще в начале 1830-х годов умер отец, в конце 1840-х или в начале 1850-х умерла мать, а в 1861 году – младший брат Петр Петрович (1812 года рождения). Интересна ветвь рода, связанная с Петром Петровичем, так как она также имеет отношение к литературе. Его сын от первого брака Виктор был известным писателем и журналистом. После окончания университета в 1861 году Виктор почти полгода прожил в Криничном под Сумами. Постоянное общение с очень близким человеком не могло не оставить след в душе юноши и, без сомнения, оказало влияние на его будущее литературное творчество. Виктор Петрович вошел в историю литературы как представитель консервативного направления, как автор антинигилистического романа «Марево» (1864).

На протяжении всей жизни Виктор Петрович трудился журналистом, вначале в «Русском вестнике», затем издавал собственный журнал «Кругозор». В историю журналистики его имя вошло как редактора журнала «Нива», который под его руководством стал самым популярным изданием в России: если в 1870 году, в начале издания, тираж составлял 9 тысяч, то в 1892 году, когда умер Виктор Петрович, – больше 115 тысяч. Такого массового издания Россия до этого не знала. Мы охарактеризовали творческий путь Виктора Петровича потому, что в научной литературе часто смешивают двух Ключниковых – Ивана и Виктора. Подобная ошибка имеет место в работе Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Из истории русской интеллигенции» (Овсяннико-Куликовский, 1989: 55), в двухтомном биобиблиографическом словаре «русские писатели» (Русские писатели, 1990: 400-401), имеются также ошибки в 3-х и 4-х томной «Истории русской литературы» (История русской литературы, 1963: 753; История русской литературы, 1981: 350).

Архивные документы поведали и о других членах семьи Ивана Петровича Ключникова. Рано умерла и старшая сестра поэта Ефросинья. В Криничном вместе с поэтом жила вдова брата Анна Петровна и его малолетние дети: Николай и Лидия. Поэт, как известно, не был женат и опекал эту семью.

Почти 30 лет Ключников не подавал о себе никаких вестей, занимался хозяйством, много читал и сочинял стихи. И только в 1880 году посетил Москву. «Он явился, – писал Михаил Катков, бывший товарищ по кружку Станкевича, – будто выходец из того света, но не испугал, а обрадовал старых приятелей. Тут передал он нам несколько вылившихся у него в последнее время прекрасных стихотворений» (Катков, 1883: 802). Особенно тепло встретил старого писателя его бывший ученик, младший брат Николая Станкевича Александр, позже между ними установилась переписка.

На основании письма Ключникова к Александру Станкевичу нам удалось установить, что Ключников еще раз посетил столицу в мае–июне 1886 года и оставил в «Русском вестнике» несколько своих стихотворений. Последнее письмо Ключникова (из дошедших до нас), датированное 18 февраля 1887 года, говорит о том, что слишком одиноко и тяжело было поэту вдали от «столицы шумной» и уж очень ему хотелось побывать в ней снова (ГИМ. Ф. А.В. Станкевича. № 351. Оп. 1. Ед. хр. 68).

16 февраля 1895 года поэт скончался в своем небольшом имении близ Сум. Он был похоронен на приходском кладбище, о чем сделана соответствующая запись в метрической книге Николаевской

церкви (на основании этой записи, которую удалось выявить в Сумском областном архиве ([ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1](#)), нами установлено место захоронения писателя). Это печальное событие не осталось незамеченным. Столичные газеты и журналы, среди них «Московские ведомости», «Русское слово», «Новое время», «Исторический вестник», известили читателей о кончине «старейшего и даровитого», «талантливого и маститого» русского писателя. Обширная статья-некролог, помещенная в «Московских ведомостях», была подписана инициалами «Д.Я.». Удалось установить, что это Дмитрий Дмитриевич Языков (1850–1918), известный библиограф. Есть основание полагать, что Языков лично знал Ивана Петровича и поддерживал с ним связь, в своей статье он сообщает целый ряд подробностей из жизни поэта: «Последние годы своей долгой жизни Иван Петрович Ключников прожил безвыездно в своем имении, хуторе Криничном. Там, занимаясь хозяйством, он все свои досуги посвящал чтению, причем никогда не пользовался очками. У него на столе постоянно лежало Евангелие и книжки журнала «Вера и Разум» (журнал Харьковской епархии, издававшийся с 1884 г.), которые особенно интересовали его своими богословскими и философскими статьями.

5. Заключение

Ключников прожил 85 лет, намного пережив своих друзей по кружку Станкевича. Его основная деятельность приходится на 1830–40-е годы, поэтому время Ключникова – это время Белинского и Станкевича, Пушкина и Лермонтова, а также многих других известных деятелей русской культуры.

Поэзия Ключникова органически связана с духовной жизнью русского общества 30–40-х годов. На формирование его мировоззрения оказали влияние многие факторы: гнетущая общественно-политическая обстановка в государстве, атмосфера кружка Н.В. Станкевича, романтическая поэзия и, несомненно, немецкая философия. В образе лирического героя он воплощает черты собственного духовного облика. Его творчеству присущи усиленное личностное начало, автобиографизм, которые в сочетании с традициями рефлектирующей поэзии русского романтизма подчеркивают ярко выраженную индивидуальность.

Личность Ивана Петровича Ключникова многообразна и неординарна, принадлежит к примечательным явлениям в истории духовной жизни общества Российской империи. Его научная, педагогическая, редакторская деятельность в условиях обостренной политической реакции на самодержавный деспотизм может представлять интерес для научных исследований. Творческое наследие И.П. Ключникова: стихи, проза письма – имеет значительную научную ценность как источник информации о развитии духовных исканий передовой русской интеллигенции первой половины XIX века.

Литература

- [Аксаков, 1989](#) – Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов // *Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: Мемуары современников*. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 312–334.
- [Андрианов, 1885](#) – Андрианов С.А. Забытый поэт // *Исторический вестник*. 1885. № 6. С. 805–810.
- [Белинский, 1914](#) – Белинский В.Г. Письма: в 3 т. СПб.: Книгоиздательство «Огни», 1914. Т. 2. 439 с.
- [Белинский, 1950](#) – Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) // *Литературное наследство*. 1950. № 56. С. 87–200.
- [Белинский, 1978](#) – Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // *Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т.* М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 80–81.
- [Белинский, 1982](#) – Белинский В.Г. Письма 1829–1848 // *Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т.* М.: Художественная литература, 1982. Т. 9. 864 с.
- [Белинскому, 1911](#) – Белинскому В.Г. Письма // *Русская мысль*. 1911. № 6. С. 38–40.
- [Бродский, 1913](#) – Бродский Н.Л. Поэты кружка Н.В. Станкевича. СПб.: Типография Имперской академии наук, 1913. 70 с.
- [Бродский, 1915](#) – Бродский Н.Л. Я.М. Неверов и его автобиография // *Вестник воспитания*. 1915. № 6. С. 73–129.
- [Венок Белинскому, 1924](#) – Венок Белинскому: Новые страницы Белинского: Речи, исследования, материалы / Ред. Н.К. Пиксанов. М.: Новая Москва, 1924. 285 с.
- [Герцен, 1956](#) – Герцен А.И. Былое и думы / Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 9. Ч. 4. 362 с.
- [Гершензон, 1923](#) – Гершензон М.О. История молодой России. М.–Пг.: Гос. изд-во, 1923. 318 с.
- ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
- [Гончаров, 1889](#) – Гончаров А.И. Воспоминания. В университете // *Московский университет в воспоминаниях современников*. М.: Современник, 1889. С. 145–146.
- ГАСО – Государственный архив Сумской области.
- [Добролюбов, 1961–1964](#) – Добролюбов Н.А. Николай Владимирович Станкевич // *Собрание сочинений: в 9 т. М.–Л.: Гослитиздат, 1961–1964. Т. 2. С. 381–402.*

- Журавлева, 1967** – Журавлева А.И. О поэтах кружка Н.В. Станкевича (из истории русского романтизма 30-х годов // *Вестник Московского университета*. 1967. № 4. С. 3-14.
- История русской литературы, 1963** – История русской литературы: В 3 т. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. 785 с.
- История русской литературы, 1981** – История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 2. 655 с.
- К биографии..., 1885** – К биографии профессора Н.И. Надеждина // *Русский архив*. 1885. № 8. С. 573-583.
- Катков, 1883** – Катков М.Н. Через сорок лет // *Русский вестник*. 1883. № 2.
- Каменский, 1980** – Каменский З.А. Московский кружок Любомудров. М.: Наука, 1980. 327 с.
- Корнилов, 1915** – Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1915. 718 с.
- Манн, 1983** – Манн Ю.В. В кружке Станкевича. М., 1983.
- Машинский, 1964** – Машинский С.И. Кружок Станкевича и его поэты // *Поэты кружка Н.В. Станкевича*. М.–Л.: Советский писатель, 1964.
- МОГИА** – Московский областной государственный исторический архив.
- Насонкина, 1972** – Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 343 с.
- Овсянко-Куликовский, 1989** – Овсянко-Куликовский Д.Н. Из «Истории русской интеллигенции» / Литературно-критические работы: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. 526 с.
- Переписка..., 1914** – Переписка Н.В. Станкевича (1830–1840). М.: Книгоиздательство «Огни», 1914. 787 с.
- Полонский, 1988** – Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // *Полонский Я.П. Проза*. М.: Сов. Россия, 1988. С. 366-367.
- Полонский, 1986** – Полонский Я.П. Свежее преданье / *Сочинения: В 2 т.* М.: Худ. лит., 1986. Т. 1. С. 292-379.
- Поляков, 1960** – Поляков М.Я. Виссарион Григорьевич Белинский. М.: Учпедгиз, 1960. 232 с.
- Поляков, 1956** – Поляков М.Я. Студенческие годы Белинского // *Литературное наследство*. 1956. № 56. С. 303-436.
- Русские писатели. Биобиблиографический словарь: В 2 т.** / Под ред. П.А. Николаева М.: Просвещение, 1990. Т. 1. 446 с.
- Смиренский, 1936** – Смиренский Б.В. И.П. Ключников // *Книжные новости*. 1936. № 28–29. С. 34.
- Станкевичу, 1956** – Станкевичу Н.В. Письма // *Литературное наследство*. 1956. № 50.
- Супронюк, 2009а** – Супронюк О.К. Литературная среда раннего Гоголя. К.: Академперіодика, 2009. 177 с.
- Супронюк, 2009б** – Супронюк О.К. Гоголь и его окружение Нежинской гимназии: Биобиблиографический словарь. К.: Академперіодика, 2009. 252 с.
- Тихонравов, 1894** – Тихонравов Н.С. И.С. Тургенев // *Вестник Европы*. 1894. № 2. С. 712-713.
- Тургенев, 1982** – Тургенев И.С. Автобиография / Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 11. С. 475-477.
- Тургенев, 1987** – Тургенев И.С. Письма / Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 1987. 415 с.
- Фет, 1893** – Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1893. 548 с.
- Фризман, 1977** – Фризман А.Г. Русская эллегия в эпоху романтизма: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 1977.
- Чернышевский, 1947** – Чернышевский И.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы / Полное собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 5-309.
- Degtyarev, 2015** – Degtyarev S.I. Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2). Pp. 254-259.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4). Pp. 1530-1537.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Yehorova O.I., Gut J. Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. 53(3). Pp. 1067-1077.
- Kutsyi, 2018** – Kutsyi I. The Reception of Europe/West in the Scientific Heritage of the Mykhailo Maksymovych // *East European Historical Bulletin*. Is. 7. 2018. Pp. 8-15.
- Melnik, Tairova-Yakovleva, 2019** – Melnik A., Tairova-Yakovleva T. Hryhorii Poletyka's Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire // *Kyiv-Mohyla Humanities Journal*. 6. 2019. Pp. 115-126.

References

- Aksakov, 1989** – *Aksakov K.S.* (1989). Vospominaniya studentstva 1832–1835 godov [Memoirs of the students of 1832–1835]. Russkoe obschestvo 30-h godov XIX v. Lyudi i idei: Memuaryi sovremennikov. M.: Izd-vo MGU, pp. 312–334 [in Russian]
- Andrianov, 1885** – *Andrianov S.A.* (1885). Zabyityiy poet [A forgotten poet]. *Istoricheskiy vestnik*. № 6. Pp. 805–810. [in Russian]
- Belinskiy, 1914** – *Belinskiy V.G.* (1914). Pisma: v 3 t. [Letters: in 3 volumes]. SPb.: Knigoizdatelstvo «Ogni». T. 2. 439 p. [in Russian]
- Belinskiy, 1950** – Belinskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov (1834–1848). [Belinsky in an unpublished correspondence of contemporaries (1834–1848)]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1950. №56. Pp. 87–200. [in Russian]
- Belinskiy, 1978** – *Belinskiy V.G.* (1978). Geroy nashego vremeni. Sochinenie M. Lermontova [The hero of our time. The work of M. Lermontov]. Sobranie sochineniy: v 9 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1978. T.3. Pp. 80–81. [in Russian]
- Belinskiy, 1982** – *Belinskiy V.G.* (1982). Pisma 1829–1848 [Letters 1829–1848]. .Sobranie sochineniy: v 9 t. M.: Hudozhestvennaya literatura. T. 9. 864 p. [in Russian]
- Belinskomu, 1911** – Belinskomu V.G. Pisma [Letters]. *Russkaya mysl*. 1911. №6. pp. 38–40. [in Russian]
- Brodskiy, 1913** – *Brodskiy N.L.* (1913). Poetyi kruzha N.V. Stankevicha [Poets of N.V. Stankevich's circle]. SPb.: Tipografiya Imperskoy Akademii Nauk. 70 p. [in Russian]
- Brodskiy, 1915** – *Brodskiy N.L.* (1915). Ya.M. Neverov i ego avtobiografiya [Ya.M. Neverov and his autobiography]. *Vestnik vospitaniya*. №6. Pp. 73–129. [in Russian]
- Chernyishevskiy, 1947** – *Chernyishevskiy I.G.* (1947). Ocherki gogolevskogo perioda russkoy literatury [Essays on the Gogol period of Russian literature]. Polnoe sobranie sochineniy. M.: Goslitizdat. T. 3. Pp. 5–309. [in Russian]
- Degtyarev, 2015** – *Degtyarev S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2): 254–259.
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev S.I., Zavhorodnia V.M., Polyakova L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530–1537.
- Degtyarev et al., 2019** – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Yehorova O.I., Gut J.* (2019). Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1067–1077.
- Dobrolyubov, 1961–1964** – *Dobrolyubov N.A.* (1961–1964). Nikolay Vladimirovich Stankevich [Nikolai Vladimirovich Stankevich]. Sobranie sochineniy: v 9 t. M.; L.: Goslitizdat. T.2. Pp. 381–402. [in Russian]
- Fet, 1893** – *Fet A.A.* (1893). Rannie godyi moey zhizni [The early years of my life]. M.: Tovarischestvo tipografii A.I. Mamontova. 548 p. [in Russian]
- Frizman, 1977** – *Frizman A.G.* (1977). Russkaya ellegiya v epohu romantizma [Russian elegy in the era of romanticism]: avtoref. dis... dokt. filol. nauk. M. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvenniy arhiv Sumskoy oblasti [State Archive of the Sumy Region].
- Gershenson, 1923** – *Gershenson M.O.* (1923). Istoriya molodoy Rossii [The history of young Russia]. M.; Pg.: Gos. izd-vo. 318 p. [in Russian]
- Gertsen, 1956** – *Gertsen A.I.* (1956b). Byloe i dumy [The past and thoughts]. Sobranie sochineniy: v 30 t. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. T.9. Ch.4. 362 p. [in Russian]
- GIM** – Gosudarstvenniy istoricheskiy muzey (g. Moskva) [State Historical Museum (Moscow)].
- Goncharov, 1889** – *Goncharov A.I.* (1889). Vospominaniya. V universitete [Memories. At the university]. *Moskovskiy universitet v vospominaniyah sovremennikov*. M.: Sovremennik. pp. 145–146. [in Russian]
- Istoriya russkoy literatury, 1963** – Istoriya russkoy literatury: v 3 t. [History of Russian literature: in 3 volumes] M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. T.2. 785 p. [in Russian]
- Istoriya russkoy literatury, 1981** – Istoriya russkoy literatury: v 4 t. [History of Russian literature: in 4 volumes] L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1981. T.2. 655 p. [in Russian]
- K biografii..., 1885** – K biografii professora N.I. Nadezhdina [To the biography of Professor N.I. Nadezhdina]. *Russkiy arhiv*. 1885. №8. Pp. 573–583. [in Russian]
- Kamenskiy, 1980** – *Kamenskiy Z.A.* (1980). Moskovskiy kruzhok lyubomudrov [Moscow circle of wisdom lovers]. M.: Nauka. 327 p. [in Russian]
- Katkov, 1883** – *Katkov M.N.* (1883). Cherez sorok let [Forty years later]. *Russkiy vestnik*. №2. P. 805. [in Russian]
- Kornilov, 1915** – *Kornilov A.A.* (1915). Molodye godyi Mihaila Bakunina [Young years of Mikhail Bakunin]. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikoviyh. 718 p. [in Russian]
- Kutsyi, 2018** – *Kutsyi I.* (2018). The Reception of Europe/West in the Scientific Heritage of the Mykhailo Maksymovych. *East European Historical Bulletin*. Is. 7. Pp. 8–15.
- Mann, 1983** – *Mann Yu.V.* (1983). V kruzhke Stankevicha [In Stankevich's circle]. M. [in Russian]

- [Mashinskiy, 1964](#) – *Mashinskiy S.I.* (1964). Kruzhok Stankevicha i ego poetyi [Stankevich's circle and his poets]. Poetyi kruzhka N.V. Stankevicha. M.; L.: Sovetskiy pisatel. [in Russian]
- [Melnik, Tairova-Yakovleva, 2019](#) – *Melnik A., Tairova-Yakovleva T.* (2019). Hryhorii Poletyka's Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire. *Kyiv-Mohyla Humanities Journal*. 6. Pp. 115-126.
- MOGIA** – Moskovskiy oblastnoy gosudarstvenniy istoricheskiy arhiv [Moscow Regional State Historical Archive].
- [Nasonkina, 1972](#) – *Nasonkina L.I.* (1972). Moskovskiy universitet posle vosstaniya dekabristov [Moscow University after the Decembrist uprising]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 343 p. [in Russian]
- [Ovsyaniko-Kulikovskiy, 1989](#) – Iz «Istorii russkoy intelligentsii» [From the “History of the Russian intelligentsia”]. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1989. T. 2. 526 p. [in Russian]
- [Perepiska..., 1914](#) – *Perepiska N.V. Stankevicha (1830–1840)*. [Correspondence of N.V. Stankevich (1830–1840)]. M.: Knigoizdatelstvo «Ogni», 1914. 787 p. [in Russian]
- [Polonskiy, 1986](#) – *Polonskiy Ya.P.* (1986). Svezhee predanie [A fresh story] // *Polonskiy Ya.P. Sochineniya: v 2 t.* M.: Hud. lit. T.1. Pp. 292-379. [in Russian]
- [Polonskiy, 1988](#) – *Polonskiy Ya.P.* (1988). Moi studencheskie vospominaniya [My student memories]. Proza. M.: Sov. Rossiya. Pp. 366-367. [in Russian]
- [Polyakov, 1956](#) – *Polyakov M.Ya.* (1956). Studencheskie godyi Belinskogo [Belinsky's student years]. *Literaturnoe nasledstvo*. №56. Pp. 303-436. [in Russian]
- [Polyakov, 1960](#) – *Polyakov M.Ya.* (1960). Vissarion Grigorevich Belinskiy [Vissarion G. Belinsky]. M.: Uchpedgiz. 232 p. [in Russian]
- [Russkie pisateli, 1990](#) – Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar: v 2 t. [Russian writers. Bibliographic Dictionary: in 2 volumes]. Pod red. P.A. Nikolaeva M.: Prosveschenie, 1990. T. 1. 446 p. [in Russian]
- [Smirenskiy, 1936](#) – *Smirenskiy B.V.* (1936). I.P. Klyushnikov [I.P. Klyushnikov]. *Knizhnyie novosti*. №28–29. P. 34 [in Russian]
- [Stankevichu, 1956](#) – *Stankevichu N.V.* (1956). Pisma [Letters]. *Literaturnoe nasledstvo*. №50. [in Russian]
- [Supronyuk, 2009a](#) – *Supronyuk O.K.* (2009). Literaturnaya sreda rannego Gogolya [Literary environment of early Gogol]. K.: Akadempriodika. 177 p. [in Russian]
- [Supronyuk, 2009b](#) – *Supronyuk O.K.* (2009). Gogol i ego okruzeniev Nezhinskoy gimnazii: Biobibliograficheskiy slovar [Gogol and his entourage at the Nizhyn Gymnasium: Biobibliographic Dictionary]. K.: Akadempriodika. 252 p. [in Russian]
- [Tihonravov, 1894](#) – *Tihonravov N.S.* (1894). I.S. Turgenev [I.S. Turgenev]. *Vestnik Evropyi*. №2. Pp. 712-713. [in Russian]
- [Turgenev, 1982](#) – *Turgenev I.S.* (1982). Avtobiografiya [Autobiography]. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomah. M.: Nauka. T. 11. Pp. 475-477. [in Russian]
- [Turgenev, 1987](#) – *Turgenev I.S.* (1987). Pisma [Letters]. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. M.: Nauka. 415 p. [in Russian]
- [Venok Belinskomu, 1924](#) – *Venok Belinskomu: Novye stranitsyi Belinskogo: Rechi, issledovaniya, materialyi* [Wreath to Belinsky: Belinsky's new pages: speeches, studies, materials]. Red. N.K. Piskanov. M.: Novaya Moskva, 1924. 285 p. [in Russian]
- [Zhuravleva, 1967](#) – *Zhuravleva A.I.* (1967). O poetah kruzhka N.V. Stankevicha (iz istorii russkogo romantizma 30-h godov) [About the poets of N.V. Stankevich's circle (from the history of Russian romanticism of the 30s)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. №4. Pp. 3-14. [in Russian]

Иван Ключников и его время (1811–1895): духовные искания поэта

Елена Григорьевна Ткаченко ^a, Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *},
Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d}, Ясмин Гут ^e

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Аннотация. В статье впервые собраны, систематизированы и подвергнуты историко-литературному осмыслению факты жизненного и творческого пути русского поэта Ивана Ключникова (1811–1895). Специфика исследования нашла свое проявление в привлечении обширного круга архивных материалов, авторитетных печатных источников, документально подтверждающих духовную эволюцию личности.

Активный участник кружка Николая Станкевича, Ключников сыграл значительную роль в духовной жизни России 30–40-х годов XIX века. Под его влиянием формировалось мировоззрение Станкевича, Белинского, Тургенева и многих других представителей творческой интеллигенции. Будучи идеалистом, увлеченный философией Гегеля, Ключников считал просвещение и мысль главным двигателем истории. Он верил, что в условиях обостренной политической реакции и самодержавного деспотизма возможно улучшение жизни путем духовного воздействия на общество. Высокообразованный, наделенный недюжинным поэтическим талантом, на стыке 30–40-х годов позапрошлого века, оказавшись между двумя гениями – Пушкиным и Лермонтовым, он сумел по-своему, оригинально и неповторимо, передать психологию «лишнего человека», показать трагедию молодых идеалистов, стремившихся к добру, справедливости и счастью, но в силу обстоятельств оказавшихся неспособными осуществить свою мечту. Его поэзия – это исповедь человека, прошедшего в своем развитии путь от романтических иллюзий до сознания своей несостоятельности во всех сферах жизни.

Удалившись от общественной жизни фактически в период расцвета творчества, избрав участь отшельника, Ключников около 50 лет прожил в далекой глуши в одиночестве, сделав все, чтобы его забыли.

Ключевые слова: Иван Ключников, кружок Станкевича, Российская империя, интеллигенция, XIX век.